

МАФУЯ
В
РОДНЕ

И
А Т

А
Н Л
К Б
Я

Н
А К
А

Географически
гетеминс

Анка Итальянка

Мафия в родне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42923640

ISBN 9785449698438

Аннотация

Когда вы в последний раз попадали в переделку из-за неумного любопытства? А вот Анка попадает в них постоянно. И в средиземноморском круизе переделок не счесть. Но из всех она выходит почти без потерь. А иногда и с приобретениями: сувениры из поездки, новые впечатления, встреча с первой любовью и итальянской частью своей семьи, мафиозным кланом Адорно.

Содержание

Мафия в родне	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мафия в родне

Анка Итальянка

© Анка Итальянка, 2019

ISBN 978-5-4496-9843-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мафия в родне

Глава 1

– Вы заняли мое место! – безапелляционно заявила девушка, с громким стуком распахнувшая дверь в мою каюту.

– Здравствуйте! – автоматически ответила я, обескураженная таким напористым приветствием.

На пороге возникла красотка лет тридцати с хвостиком. Хвостик безуспешно маскировался обильным макияжем. Оборачиваясь к ней, я ожидала увидеть женщину среднего роста, но промахнулась в своих ожиданиях примерно на полметра. То, во что я сейчас уперлась взглядом, было не женской грудью, а, скорее, багажом, причем багажом, за который в самолете полагалось доплачивать, независимо от того, каким классом летишь. Багаж этот был плотно упакован в бирюзовый топик, открывавший пухленький животик, посреди которого довольно жмурился пупок с кольцом, как говорится в полицейских протоколах, «желтого металла». Нижняя часть этого создания неземной красоты была обтянута золотистыми бриджами, позволявшими установить отсутствие белья со всей возможной очевидностью.

Осознав, что приветствую неодушевленный предмет, я подняла взгляд выше, и успела увидеть, как пухлые, неесте-

ственно вывернутые наружу губы выплюнули небрежный «привет!». Я смотрела на них как зачарованная, не в силах оторваться от их самопроизвольных движений, не санкционированных мозгом хозяйки. Губы с самым независимым видом плавали и колыхались на лице, будучи никак не связанными с остальной мимикой этого самого лица.

Наконец, мой ошарашенный взгляд коснулся глаз моей соседки, и я вздрогнула, так как даже во времена, известные в истории макияжа как сезон морозно-голубых теней, не встречалась со столь яркой боевой раскраской. Верхние веки были искусно подведены темно-синей подводкой. Их внутренние углы, и так слишком близко посаженных очей красоти, как будто они мечтали заглянуть друг в друга, углубляли тени у переносицы до полной мглы, уменьшая интенсивность вдоль подводки к внешнему углу глаза. Центр сапфирово сиял, под бровь уходила небесная синева, постепенно линяя, а внешний угол алел утренней зарей. Нижнее веко было скромно подчеркнуто тенями цвета индиго.

Единственное, чего благоразумно не коснулась рука преобразователя, была Татьяна шевелюра. Пышная копна слегка выющихся каштановых волос разметалась по плечам, благородно подчеркивая четкий овал лица и усиливая эффект от радужки цвета спелого каштана. Интересно, кто приложил титанические усилия и оказал столь благотворное воздействие на девушку, чтобы сохранить первоначальную красоту ее основного достоинства?

В подборе попутчицы через интернет для того, чтобы разделить каюту, оказались свои нюансы. Но сингл стоил процентов на восемьдесят дороже, и приходилось выбирать – путешествовать с незнакомкой, или отказаться от путешествия вообще. С другой стороны, проявившиеся нюансы взаимоотношений с соседкой не могли не насторожить, хотя настораживаться было уже немного поздно, оставалось только грамотно парировать их.

– Вы заняли мое место! – повторила НеТаня, ибо таков был интернетовский ник этой валькирии. Моя походная сумка и рюкзачок, которые я не отдала внизу на доставку, мотивируя это наличием дорогой видеотехники, стояли у самой стены, справа от двери в каюту, на кроватях и столиках я еще ничего не успела разложить, и вообще даже не присела. Интересно, как она определила, что я заняла именно ее место?

– Разве? А какое ваше? – доброжелательно улыбнулась я, не желая из-за ерунды портить отношения с соседкой с самого начала путешествия.

– Вот это, – ткнула НеТаня в сторону левого ложа – нет, вот это – тут же передумала она, и столь же безапелляционно ткнула теперь в сторону правого. Интересно, что она бы придумала, будь мебели больше?

– Пожалуйста, тогда мое – слева, – я внутренне постаралась расслабиться и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, попутно припомнив о необходимости втянуть мышцы живота и еще парочку нужных, но не обсуждаемых в прилич-

ном обществе мышц. Мы ведь в приличном обществе, так?

Тут подоспела доставка, и девица, отняв свой багаж у доставщика, с проклятиями втащила в помещение розовый чемодан размером с гардероб, от чего в небольшой внутренней каюте без окон стало не просто тесно, а абсолютно невозможно стоять. Я, подхватив свой нехитрый скарб, протиснулась мимо чемодана и уселась на уголке левой кровати, задвинув ногой свои сумки под нее.

– Это что, все твои вещи? – НеТаня, отвоевав приглянувшееся ей место, посчитала процедуру знакомства завершенной, и с этих пор обращалась ко мне только с «сердечным ты». Это ее высказывание вызывало в памяти фильм «Девчата», в котором главной героине, Тосе Кислицыной, задали этот же вопрос. И я невольно удивилась непреходящей ценности творчества Бориса Бедного. Колоритнейший автор, кстати, речь его произведений обладает «вкусными» индивидуальными особенностями, помнится, я с огромным удовольствием ознакомилась с его рассказами.

– Да, – подтвердила я. Но углубляться в объяснения, что собираюсь пробежаться по аутлетам и обновить гардероб, уже давно нуждавшийся в этом, я не стала.

– Ну, тогда я шкаф займу, – сообщила мне попутчица.

– Занимай, – я давно уже не покупала вещи, нуждавшиеся в глажке, да и основную часть их составляла одежда, пригодная для длительных экскурсий, за исключением полагавшегося вечернего платья для торжественного ужина с капита-

ном. Но и оно могло прекрасно храниться в сумке, по крайней мере, ни одного возражения от платья я еще не слышала, да и не надеялась услышать.

Пристроив свой великолепный чемодан у дверки шкафа, Татьяна громко вздохнула, и рухнула на кровать, которая была не готова к такому бурному проявлению чувств, и издала несколько нечленораздельных звуков неодобрения.

– Фу, как же я устала! – воскликнула НеТаня и сбросила свою царственную обувь, – золотистые лабутены вызывающе неженской величины. Стоило немало потрудиться, наверное, чтобы найти подобные туфли сорок пятого размера. Пятки алели там, где их жестоко натирал безжалостный край. Пальцы некоторое время сохраняли форму, принятую ими, чтобы уместиться в обуви. Постепенно расправляясь, они растопыривались все радостнее и радостнее, что было отлично видно, так как НеТаня развалилась на кровати поверх покрывала. На щиколотке гремела цепь, толщиной точно такая же, как на дворовой собаке моей покойной тетушки.

Окинув меня испытующим взглядом, девушка пришла к выводу, что никакой конкуренции я ей не составляю, впрочем, я из своего возраста и внешности никакой тайны не делала, и в моем профиле на сайте поиска попутчиков все эти данные были в открытом доступе. А вот ее профиль мог ввести в заблуждение того, кто имел неосторожность поверить содержащимся в нем фантазиям. Впрочем, мне от соседки требовалось только, чтобы она не храпела и не курила, и тем

более, не совмещала оба этих занятия, что обговаривалось еще до покупки билетов.

– Слушай, давай сразу договоримся, – обратилась она ко мне, отвлекаясь от болевых ощущений в ступнях, – я кучу времени копила деньги на эту поездку, и надеюсь найти здесь себе мужика, обеспеченного, так что мне иногда будет нужна каюта. Ну, ты понимаешь, надо же поближе познакомиться, понять, что и как, подойдет ли. Так что, когда я тут с ним буду, повешу табличку на дверь, «Не беспокоить». А ты тем временем погуляешь где-нибудь часок. Окей?

Я ненадолго задумалась. Я и так не планировала сидеть в замкнутом пространстве, у меня был продуман плотный график путешествий на остановках, и еще мне хотелось как следует изучить географию самого корабля. Между портами лайнер перемещался ночами, и вот в это время суток я бы предпочла отдыхать в своей постели.

– Только не по ночам! – решительно заявила я, – я не собираюсь скитаться по палубам и спать в спасательных шлюпках из-за твоих матримониальных экзерсисов.

– Чего? – не врубилась девица.

– Ночью я сплю, часов после одиннадцати, так что сексом можешь заниматься до этого времени.

– А-а-а, – обрадовалась НеТаня, – хорошо, мне это как раз подходит.

И она принялась трещать о том, что никак не может найти себе достойного мужчину, одни козлы попадают, а ей

козел даром не нужен, а нужен идеал – умный, добрый, щедрый и высокий, который ее на руках будет носить, как она того заслуживает.

Я постаралась представить себе этот идеал: двухметровый интеллеktуал атлетической внешности, с добрыми глазами и большим рюкзаком-кенгуру для младенцев на груди, из которого во все стороны торчат купюры разных стран и достоинств. Почему-то это изображение так привязалось ко мне, что я никак не могла от него избавиться, как от назойливой мелодии.

И как меня угораздило оказаться в такой компании? А все мое неумное стремление разыскать моих итальянских предков. У вас есть итальянские предки? Нет? А у меня где-то есть, вот мне и хотелось узнать, где.

Глава 2

Откуда бы взяться в русской семье итальянским предкам? Вот как это все случилось: моя прапрапрабабушка Боженка была единственной поздней дочерью польского купца и его любимой супруги, в середине девятнадцатого века поселившихся в Судаче, в Крыму. Боженка воспитывалась в любви, ни в чем отказа не знала, но избалованной не была. Разумная дочка получилась у разумных родителей. И раз только подвела ее рациональность, когда влюбилась она в сына итальянского купца, семья которого издавна осела на берегу Черного моря, в колонии генуэзцев.

Выходцы из Генуи появились на берегах Черного и Азовского морей еще в тринадцатом веке и продержались до 1475 года, когда они были вытеснены оттуда Османской империей. Преследуемые турками, некоторые католики-генуэзцы вернулись на родину, другие рассеялись по близлежащей территории, ассимилировавшись с окружающим населением. И лишь немногим удалось сохранить аутентичность и чистоту крови.

Вот из них-то в Судаче после поражения турок в Крымской войне 1853—1856 годов выросла довольно большая колония генуэзских торговцев и моряков. Именно с ними вел торговые дела отец Боженки, Станислав Ковальский, покупая итальянские товары и продавая их в Варшаву, Москву

и Санкт-Петербург, и снабжая Италию зерном, льном и всем тем, что ей требовалось.

За давностью лет подробности знакомства Боженки с красавцем-итальянцем Николо Адорно стерлись из памяти. То ли ходили они в один костел, то ли лавки у купцов рядом стояли, то ли еще какая оказия подвернулась, да только поженили купцы своих детей, смотрели на красивую пару и радовались. Но радовались они недолго, вплоть до рождения внучки Анны в 1861 году, которая, родившись, отняла жизнь у своей матери. Воспитывали сироту родители Боженки, но и итальянские родственники обожали черноволосую бойкую малышку, и частенько девочка гостила у них. Долго был безутешен Николо, но время шло, и он женился еще раз. Аннушку охотно принимала и новая его жена, итальянка, а дочери от второго брака любили свою старшую сестру, которая с удовольствием нянчилась с ними.

В подарок на шестнадцатилетие дед с бабушкой повезли свою любимицу в Санкт-Петербург, показать столицу и закупить нарядов. Там-то и повстречалась Анечка со своей судьбой, богатым купцом Иваном Тихоновым. В их браке родилось трое сыновей. Двое старших были копией отца, русоволосого и голубоглазого крепыша, а младший пошел в свою итальянскую родню, черноволосую, смуглую и темноглазую. У Ивана вид младшего сына вызывал необоснованные подозрения: месяцев за восемь до родов его жена навещала заболевшую бабушку в Судаке и водила знакомства со множе-

ством черноволосых, смуглых и темноглазых итальянцев.

Поэтому, когда в конце девятнадцатого века почти одновременно умерли дед и бабушка Анны, а ее отец Николо привез их наследство дочери, обратно в качестве наследника с ним поехал и его младший внук Петр, или Пьетро, как называла его родня в Судакe. Во втором браке у Николо родилось пять дочек, а наследника так и не было. Пьетро стал капитаном торгового судна, принадлежавшего деду, принял его фамилию, Адорно, и со временем осел в Италии.

Старшие же сыновья Ивана и Анны, Михаил и Станислав, остались в России, унаследовав торговлю отца. Михаил и стал моим прадедом. Дальнейшая судьба нашей семьи тесно связана с судьбой России и почти ничем не отличалась от судеб многих других семей. Младший брат прадеда, Станислав, погиб в гражданскую, не успев обзавестись семьей.

Михаил же сгинул на германском фронте Первой мировой, осиротив сына Петра. Прабабушка, вдова Михаила, потеряв все состояние во время революции, сменила свое сословное положение на рабоче-крестьянское, что дало ей возможность вырастить сына, не подвергаясь превратностям той эпохи. Мой дед погиб в Берлине в мае 1945, оставив бабушке Антонине двух дочек, мою маму Анастасию и тетю Марию, мать моей двоюродной сестры Люськи.

Фашистская Италия воевала против СССР, и в конце января 1942 года крымских итальянцев, как возможных врагов, срочно выслали в Казахстан. Зимнее путешествие

в нетопленных вагонах для многих оказалось смертельным. Те, кто выжил, большей частью погибли уже в высылке. И когда я попыталась отыскать среди них свою родню, это оказалось невозможным.

Историю о нашей родословной я много раз слышала от своей бабушки Тони. А кроме истории, у нее в доме были вышивки с красным гонуэзским крестом на белом фоне и рисунок кольца, которое носил кто-то из итальянской части нашей семьи. Рисунок был сделан очень давно и копировался каждым поколением. Последний раз его копировала моя мама, еще подростком, и многократно разворачиваемый и сворачиваемый листок давно вытерся на сгибах, рисунок был едва заметен. По просьбе бабушки я точно перерисовала его, а пока рисовала, хорошенько запомнила.

Глава 3

Три месяца в году, которые самонадеянно мнят себя летом, я проводила у своей бабушки Тони, жившей в небольшом совхозном поселке под Ленинградом.

Собираться я начинала задолго до поездки. На тетрадном листе в клеточку чернильным карандашом, который нужно было облизывать, чтобы он писал как ручка, трудолюбиво составляла пронумерованный список того, что возьму с собой, включая разную мелочь, типа носовых платков и заколок для волос. Примерно за месяц складывала все перечисленные в списке вещи в свой маленький чемодан, а потом то и дело лазила в него, доставая то платье, то кофточку, то заботливо запрятанную на самом дне зубную пасту.

Чемодан при этом отчаянно капризничал, то закрывая молнию, то нет, то позволяя ей совершенно самостоятельно открываться. Никогда нельзя было быть уверенной, что в пути все не вывалится и не потеряется. Поэтому перед самым выходом из дома к упрямцу применяли воспитательные меры: перетягивали его старым отцовским ремнем. Он жалобно скрипел, реагируя на воздействие, но характера своего не менял.

После этого осторожно, чтобы не вызывать негодование молнии, я присаживалась на самый краешек, «посидеть на дорожку», ради соблюдения давно заведенной традиции.

Мама едва касалась юбкой стоявшего в прихожей стула, коротенько, – на пару-тройку секунд, – затем брала сумки с приготовленными для матери гостинцами и городскими деликатесами, и мы отправлялись в путь.

Ехали рано, с первой электричкой, и я, всю дорогу дремавшая и клевавшая носом, просыпалась на подъезде к станции и с предыдущей остановки смотрела на мелькавшие за окнами деревья, электрические столбы, зеленеющие луга и поля, выющиеся ленты грунтовых дорог. Эти картины мне никогда не надоедали, и я, покачиваясь в такт вагону, увлеченно следила за сменой пейзажей.

Сойдя с электрички, мы быстрым шагом, почти бегом, спешили к старенькому, но аккуратному домику с синей дверью и наличниками на окнах. Баба Тоня уже ждала нас, в привычном стареньком халате и белом в горошек платочке, завязанным под пучком редких седых волос. Мама торопливо и смущенно целовала ее куда-то в щеку, почему-то около уха. Потом выгружала из сумки городские гостинцы: копченую колбасу, сгущенку, конфеты. И заполняла ее деревенской снедью, заранее подготовленной к путешествию в город: творогом, сметаной, трехлитровой банкой парного молока. Я же бросалась к старушке, широко раскинув руки, и обнимала ее, расцеловывая снова и снова. Мама торопливо прощалась с нами, велела мне вести себя хорошо, и отправлялась обратно в город, чтобы успеть на работу.

В этом году я впервые приехала к бабушке самостоятель-

но и всю дорогу беспокоилась, боясь уснуть и проехать. Но, в конце концов, поборола сонливость и сошла на нужной остановке. На этот раз я припозднилась: перед самым отъездом простудилась и проболела две недели. Когда смогла оправиться после болезни и приехать, там уже была моя двоюродная сестра Люська. Старшая мамина сестра вышла замуж за москвича и уже много лет жила в столице. Она наезжала раз в год к матери, когда привозила к ней сначала сына, потом двоих детей, а теперь только Люську. А Сашка был уже совсем взрослым, отслужил в армии и остался на сверхсрочную службу в Германии.

Люське зимой исполнилось шестнадцать лет, и ей оставался в школе всего год, в десятом классе. Тетя Маша надеялась, что после школы она поступит в техникум, но сама Люська сильно в этом сомневалась: учиться ей было лень, она давно уже мечтала о своей собственной семье. Я была на два года младше и только что закончила седьмой, ни о какой такой семье еще не думала и надеялась, что поступлю в институт, только вот еще не знала, в какой лучше. Никаких особых предпочтений у меня не было, я ровно шла по всем предметам, только к физике относилась с большим подозрением. Ну как поверить выдумкам про то, что можно быть одновременно и волной и частицей? Что это за корпускулярно-волновой дуализм такой? Ты или уж волна, или лишь частица, нельзя быть и тем, и этим, надо меру знать.

Люськина внешность вызывала полное затмение разума

у мужчин, – прямо как затмение луны: только что ум был, и вот он на глазах исчезает, – и яростную зависть у лучшей, но такой вредной половины человечества. Ее пышная, зрелая фигура с округлыми там, где надо, формами, длинная русая коса толщиной в руку, длиной до... этой самой, и ясные широко открытые серые глаза манили к себе не только ровесников, но и слишком старых, уже отслуживших в армии парней и даже мужчин.

Я же по сравнению с ней была совсем еще ребенком: рост чуть больше полутора метров, вес – бараний: сорок восемь килограммов в чешках. Прелестные выпуклости только слегка наметились, обещая в будущем производить достойное впечатление, и признаюсь, не обманули ожиданий. Черные густые волосы вились жесткой проволокой, приводя в отчаяние мою мать при попытках придать им хоть какую-то видимость упорядоченности. И только яркие голубые глаза не вызвали у меня комплекса неполноценности. Смуглая кожа, легко принимающая загар, прекрасно оттеняла сапфировые переливы радужки.

Как же мы любили проводить каникулы у бабушки, весь учебный год ждали этого с таким нетерпением! В небольшом поселке все всех знали, были или родней, или одноклассниками, или друзьями. Дети всегда оказывались под присмотром соседей или родственников.

Наши деревенские друзья и подружки днем обычно были заняты помощью родителям по хозяйству. А мы, приез-

жие, собирались дружной ватагой и ходили в редкий соседний лес за ароматной спелой земляникой и толстыми мясистыми грибами с огромными, кокетливо загнутыми шляпками.

Когда позволяла погода, плескались в мелкой речушке или в широком песчаном карьере, который отлично прогрелся скупым северным солнцем, ныряя до одурения, окуная друг друга в мутную воду, и громко декламируя: «Бабка сеяла горох!» перед тем, как нырнуть в его прохладную глубину.

Счастливые обладатели велосипедов носились, отчаянно трезвоня, на престарелых агрегатах с растянувшимися цепями, сбитыми педалями и многократно заклеенными шинами по извилистым, поросшим травой тропинкам, подсакивая на кочках и с болезненным «ой!» приземляясь на жесткое седло.

Короткими летними ночами мы совершали набеги на ближайшее гороховое поле, охранявшееся вечно пьяненьким дедом Иваном, который привычно дремал в стожке сена на краю доверенного ему участка, положив под бок макет ружья, сделанный собственноручно для устрашения детворы, завернувшись в драную телогрейку, представлявшую собой совхозную собственность и придававшую ему статус охранника.

В июле поспевала малина в лесу, и мы объедались крупной сладкой ягодой. За ней, вдоль мелкого извилистого ру-

чья с крутыми берегами, – ежевика, чьи длинные плети, усыпанные крупными черными ягодами, свисали к самой воде. Добраться до кустов можно было только вплавь, и мы частенько украдкой брали старое бабушкино корыто и спускали его на воду, воображая, что плывем на корабле за сокровищами. Полные литровые кружки сокровищ мы щедро пересыпали сахарным песком, и долго еще потом не могли отмыть руки и губы от темного ежевичного сока. Бабушка бранила нас за корыто, опасаясь, что мы, перевернувшись, утонем в мелком ручье. Но смягчалась, когда замечала, что мы поделили добычу на всех, выделив ей самую большую долю. Она толкла ягоды с сахарным песком и ела их, запивая крутым кипятком.

19 августа, на Яблочный Спас, мы отправлялись в недалекую заброшенную деревню, где росло много старых корявых яблонь разных сортов. Самые любимые – со сладкими прозрачными плодами, с просвечивающими сквозь тонкую шкурку темными семенами, названия которых никто не помнил. Набирали, сколько могли унести: и мелкий кисловатый Белый налив, и полосатую Грушовку с особым, узнаваемым привкусом. Чуть позже поспевало Коричное, или Коричневое, как у нас называли.

Когда мы вываливали их из-за пазухи на одеяло в чулане, воздух наполнялся густым сладким ароматом. По двадцать раз на дню мы забегали в чулан и ели эти яблоки, тщательно выбирая поспевшие, легкомысленно обтирая их о платье,

и откусывая сразу половину. Никогда больше не приходилось мне с таким наслаждением есть фрукты, даже самые сладкие и крупные.

Этим летом поселковый клуб, в котором вечерами, после последней дойки, демонстрировали фильмы, а потом устраивали танцы, закрылся на ремонт, и делать по вечерам стало совершенно нечего: ни окунуться в яркую атмосферу, наполненную страстями, песнями и танцами, двухсерийного индийского фильма, ни потанцевать, строя глазки мальчишкам и напропалую флиртуя. А уж лузгать семечки в темноте и по-давно неинтересно.

Один парень с соседней улицы, сельский модник, который щеголял в белых джинсах и белой рубаше, – невиданное в те времена чудо, – начал устанавливать катушечный магнитофон с самыми модными записями на подоконник открытого окна своего дома, и на улице у этого окна мы устраивали импровизированную дискотеку. Это была моя первая дискотека, в прошлые годы я считалась недостаточно взрослой, чтобы ходить на танцы, даже под строгим присмотром двоюродной сестры, и терпеливо ждала ее возвращения почти до утра, чтобы потом расспросить про все, что так манило и будоражило мое неискушенное воображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.